

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽¹⁶⁾
ВЕСНА – ЛЕТО
2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	5
<i>Б.В. Норик.</i> «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН	6
<i>А.И. Колесников.</i> Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
<i>А.А. Хисматулин.</i> В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	16
<i>П.В. Башарин.</i> Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы	20

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.И. Кычанов.</i> Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
<i>Н.В. Козырева.</i> Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода <i>З.А. Юсуповой</i>)	38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (<i>Т.Ю. Евдокимова</i>)	59
Николаева О.С. (<i>В.В. Щепкин</i>)	60
Берлев О.Д. (<i>И.В. Богданов</i>)	62

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Т. Канева.</i> Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода)	64
<i>С.Р. Тохтасьев.</i> Из комментариев к Константину Багрянородному	75
<i>Е.П. Островская.</i> О предмете буддийской философии	87
<i>И.С. Гуревич.</i> Дiachронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты	97

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.В. Богданов.* Ливанская древесина *hntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112
- М.И. Воробьева-Десятовская.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132
- С.Л. Бурмистров.* Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138
- Ю.А. Иоаннесян.* Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151
- О.К. Мехтиева.* Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Я.В. Васильков.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188
- К.М. Богданов.* Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207
- Т.А. Черная.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212
- П.П. Муратов.* Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242
- П.С. Тентюк.* Петербургская рукопись макама ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251
- С.М. Якерсон.* Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б.В. Норик.* К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268
- Е.П. Островская.* Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274
- Т.В. Ермакова.* Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН,
2012

РЕЦЕНЗИИ

- В.Г. Лысенко.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278
- А.А. Непомнящий.* Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281
- Grażyna Zajac. Smutna ojczyzna i ja smutny...* Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284
- В.А. Лившиц.* Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286
- И.В. Герасимов.* История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

IN MEMORIAM

- Юрий Ашотович Петросян 292

Я.В. Васильков

**Новое о первом русском индологе:
письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну**

Впервые публикуемые пять писем музыканта, путешественника и первого русского исследователя индийской культуры Г.С. Лебедева (1749–1817) русскому морскому офицеру, впоследствии великому мореплавателю И.Ф. Крузенштерну содержат новую существенную информацию об обстоятельствах вынужденного отъезда Лебедева из Калькутты, о тяжелейших испытаниях, которым он подвергся на корабле Ост-Индской компании «Лорд Тёрлоу», о заботах его во время пребывания в 1799 г. в Лондоне и, наконец, о благополучном возвращении на родину. Косвенным образом письма вносят дополнительные штрихи и в характеристику личности молодого Крузенштерна — как человека, лишённого сословных предрассудков, верного дружбе и искреннего патриота России.

Ключевые слова: русско-индийские отношения, индология, первый индийский театр, Просвещение, колониализм, масонство, Ост-Индская компания.

26 ноября 1967 г. в газете «Правда» появилось короткое сообщение следующего содержания:

Письма Герасима Лебедева

Ленинград, 25 (ТАСС). В фонде знаменитого русского мореплавателя И.Ф. Крузенштерна, хранящемся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота СССР, найдены не публиковавшиеся ранее письма Герасима Лебедева — русского путешественника конца XVIII — начала XIX века...

С Крузенштерном он познакомился в Калькутте в 1797 году. Между ними установились дружеские отношения.

В найденных письмах говорится о последних днях пребывания русского путешественника в Индии. В одном из писем Лебедев просит Крузенштерна в случае его смерти передать книги и рукописи, вывезенные из Индии, в Петербургскую академию наук.

Имя Герасима Лебедева было в те годы настолько хорошо известно культурной общественности СССР, что сообщение о находке его писем еще более знаменитому русскому путешественнику, И.Ф. Крузенштерну, на страницах главной партийной газеты страны всем казалось вполне уместным. После установления руководителями Советского Союза в середине 1950-х годов дружественных отношений с Индией Герасим Лебедев довольно быстро стал, наряду с тверским купцом XV в. Афанасием Никитиным, символом русско-индийского братства. В течение нескольких лет советские историки-индологи выявили в архивах немало ранее неизвестных, относящихся к биографии и научной деятельности Лебедева документов, на основе которых были предприняты серьезные исследования (см., например: Антонова, 1956; Воробьев-Десятовский, 1956; Гамаюнов, 1956; Овчинников, 1960), а в 1965 г. в фундаменталь-

ном сборнике «Русско-индийские отношения в XVIII в.» был опубликован свод почти всех известных на то время материалов о Лебедеве в архивах СССР (Русско-индийские отношения, 1965, с. 425–514). Стали появляться и художественные произведения о жизни Г.С. Лебедева, например роман Е.Л. Штейнберга «Индийский мечтатель» (1956) или первая пьеса начинающего драматурга Э.С. Радзинского «Мечта моя... Индия» (1958).

Казалось бы, при таком интересе к биографии и деятельности первого русского индолога, да еще и после появления цитированной выше заметки в «Правде», должна была вскоре последовать публикация писем Лебедева к Крузенштерну. Однако этого не случилось. На протяжении еще полувека эти важные письма оставались вне поля зрения исследователей, несмотря даже на то, что в последние годы интерес к наследию Г.С. Лебедева значительно вырос¹.

Как удалось установить, первоначально, в 1967 г. письма Лебедева Крузенштерну были обнаружены в ЦГА ВМФ СССР ленинградским индологом-историком В.В. Перцмакером, который работал в ту пору над темой «Русские моряки в Индии». 27 ноября 1967 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР В.В. Перцмакер прочитал доклад «Неизвестные письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну (1797–1802 гг.)». Однако в последующих посвященных Индии выпусках издаваемого Восточной комиссией альманаха «Страны и народы Востока» статья по материалам прочитанного доклада не появилась, тогда как были опубликованы другие статьи В.В. Перцмакера по той же исследовательской теме (Перцмакер 1967; Перцмакер 1972). Почему эта публикация не состоялась, можно только гадать. Представляется, в частности, вероятным, что препятствовала публикации довольно «неудобная» по тем временам тема, затронутая Г.С. Лебедевым во втором письме. Обращаясь с удаленной от Калькутты стоянки судов Ост-Индской компании Дайамонд Харбор к остававшемуся в городе Крузенштерну, Лебедев жаловался ему на то, что его индийские слуги во главе с серкаром (домоправителем) при доставке пожитков хозяина в порт «растеряли», а скорее — просто растащили часть вещей; исчезла и его любимая, «приятного тону» скрипка. Лебедев просил Крузенштерна «попробовать принудить» слуг возвратить вещи; и, как видно из следующего, третьего письма, в отношении скрипки сделать это удалось. По понятным идеологическим мотивам советские историки в наследии Лебедева акцентировали осуждение им британского колониального гнета, тогда как отношения русского путешественника с индийцами рисовались абсолютно идеальными. Задержка с публикацией писем могла объясняться чьей-то боязнью, что рассказ о конфликте Лебедева с его индийскими слугами бросит тень на эту идиллическую картину.

¹ В 2005 г. по инициативе и под руководством Н.В. Гурова группа петербургских индологов (Е.К. Бросалина, Я.В. Васильков, Е.Р. Крючкова) приступила к работе по проекту «Научное наследие первого русского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817)». За три года исследований удалось сделать немало, в частности, ввести в научный оборот целый ряд лебедевских архивных материалов, которые ранее даже не были правильно идентифицированы или оставались известными лишь по названиям. С результатами деятельности группы можно ознакомиться на сайте Института лингвистических исследований РАН <http://iling.spb.ru/projects/lebedev.html>, где помещены в формате PDF тексты основных работ Г.С. Лебедева и статьи о нем участников проекта. В Москве изучением биографии и наследия Г.С. Лебедева в те же годы плодотворно занимался А.А. Вигасин (Вигасин, 2008, с. 37–47). Недавно возник центр по изучению лебедевского наследия на предполагаемой родине путешественника — в Ярославле, где в декабре 2009 г. была проведена международная конференция с участием индийских ученых (Герасим Лебедев и его время, 2010). Участники петербургской группы, потеряв своего руководителя, Н.В. Гурова (1935–2009), продолжают работать по темам, связанным с наследием Г.С. Лебедева (см., напр.: Васильков, 2011; Крючкова, 2011; Vassilkov, 2011). В частности, под руководством Е.К. Бросалиной готовится перевод с бенгальского монографии о Лебедеве бангладешского ученого, профессора Хайята Мамуда.

Чтобы сделать явными значимость и новизну информации, заключенной в письмах Г.С. Лебедева И.Ф. Крузенштерну, необходимо вкратце обрисовать здесь контекст, в котором писались письма, т.е. обстоятельства поспешного отъезда Лебедева из Калькутты, испытаний, перенесенных им на корабле Ост-Индской компании «Лорд Тёрлоу» и в конце концов благополучного возвращения на родину.

Русский музыкант-виолончелист, с 1777 г. гастролировавший по странам Европы, Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) оказался в 1782 г. в Париже, где был представлен цесаревичу Павлу Петровичу, путешествовавшему по Европе под именем «графа Северного». Привел музыканта к Павлу кто-то из трех ближайших в то время к великому князю лиц: это были духовник великокняжеской четы и «капеллан» в свите Павла, Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815), а также два друга детства цесаревича: князь А.Б. Куракин (1752–1818) и морской офицер С.И. Плещеев (1752–1802). С ними тремя Лебедев поддерживал впоследствии переписку, находясь в Индии и Южной Африке. Все трое в этот период были убежденными и деятельными масонами; да и великокняжеская чета находилась тогда под сильным влиянием масонских идей. Вероятно, именно тогда, если не раньше, Лебедев усвоил представление, характерное для мировоззрения эпохи Просвещения именно в масонском его варианте, о том, что Индия не только колыбель человечества, но и страна, где первочеловеку Адаму дано было божественное Откровение, с тех пор составлявшее эзотерическую основу как христианства, так и других мировых религий. Только в свете этой концепции оказывается возможным объяснить характерную для сочинений Лебедева тенденцию трактовать индуизм как забытое «первоначальное христианство», открытие которого способно «сделать в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз, распространить во вселенной истинное понятие о Богопознании, правоте и законе, подкрепить взаимную связь желаемого между народами дружелюбия и соединить способности к восстановлению всеобщего и всемирного блага» (Лебедев, 1805, с. II–III). Лебедев впоследствии утверждал (и у нас есть достаточно оснований верить ему), что именно цесаревич Павел Петрович «соизволил объявить» ему «монаршую волю, чтоб ехал в Восточную Индию» (Русско-индийские отношения, 1965, с. 510).

Заручившись покровительством и рекомендациями столь знатных особ, Лебедев некоторое время готовится к путешествию в Англию и затем в 1785 г. на корабле британской Ост-Индской компании из Лондона прибывает в Мадрас, откуда через два года перебирается в Калькутту. Там, продолжая концертную деятельность², он в то же время находит себе бенгальских наставников, у них получает некоторые знания о санскрите, о традиционной индийской культуре, науке и об индуизме как религии. При этом он хорошо осваивает язык бенгали, что позволяет ему открыть через несколько лет в Калькутте первый индийский театр европейского типа. Пьесы для театра Лебедев сам переводил с английского на бенгали, перекладывая при этом их сюжеты «на индийские нравы». Лебедева до сих пор хорошо помнят в Индии именно как основателя первого индийского театра нового типа и как друга индийского народа, которому пришлось поплатиться за эту дружбу, поскольку затея Лебедева навлекла на него жестокие преследования со стороны колониальных властей.

Именно после того, как прошли с успехом два первых представления театра Лебедева, против него была развязана интрига, хорошо срежиссированная и, по-видимому, нашедшая поддержку на высшем уровне местной администрации. Атаку начало руководство главного местного театра, в числе пайщиков которого были видные

² Преуспевать в этом, несмотря на сильную конкуренцию, Лебедеву и в Индии, по-видимому, помогали, по крайней мере в первые годы, масонские связи (Васильков 2011; Vassilkov, 2011).

чиновники Ост-Индской компании (Ямпольский, 1973, с. 253); после того как Лебедев получил у генерал-губернатора разрешение на постановку в своем театре пьес не только на бенгальском, но и на английском, они увидели в нем опасного конкурента. К Лебедеву был подослан якобы поссорившийся с дирекцией английского театра художник Джозеф Бэттл; он взялся подготовить декорации к следующему спектаклю театра и пригласил для участия в нем актрис-англичанок. Доверившись Бэттлу, Лебедев сделал его своим компаньоном. Все это кончилось для него полным разорением: перед спектаклем Бэттл испортил все декорации, сам он, нанятые им актрисы и разного рода работники, получив жалование вперед, сбежали. Вслед за тем разные лица стали предъявлять Лебедеву в судах денежные претензии, большей частью признанные необоснованными, но доведшие Лебедева до отчаяния и подорвавшие его здоровье. Недавние покровители и «друзья» Лебедева, занимавшие высокие административные и судебские должности, когда он обращался к ним за помощью, отворачивались от него. За всем этим явно стояло нечто большее, чем просто боязнь конкуренции для местного театра.

Лебедев уже тем, что он дружил с индийцами, учился у них и основал совместно с представителями бенгальской интеллигенции первый индийский театр европейского типа, открыто пошел против господствовавшей тенденции. Как раз к концу 1780-х годов, когда Лебедев прибыл в Калькутту, отношение британцев к индийцам значительно ухудшилось по сравнению с предшествующим периодом — временем правления просвещенного генерал-губернатора Уоррена Хастингса, стремившегося создать между англичанами и индийцами некоторое взаимопонимание. Теперь любые личные контакты европейцев с индийцами вызвали неодобрение властей (Dalrimple, 2002, с. 39–40). Казалось бы, как такого рода расовая нетерпимость может быть согласована с тем, что представители калькуттской элиты в большинстве своем были членами масонских лож? Ведь масонство эпохи Просвещения в теории признавало равенство всех людей, верило в единство человечества и в происхождение всех религий из единого источника. Лебедев своими сочинениями и всем своим поведением постоянно демонстрировал, что он всей душой принял эти идеи. Между тем сознание британских масонов, «строителей Империи», изначально было отмечено двойственностью (см., напр.: Harland-Jacobs, 2007, с. 97). Признавая в теории равенство всех людей, они в условиях колониального быта на практике дискриминировали индийцев по расовому и религиозному признакам, порой бесчеловечно обращаясь с ними и с ввозимыми из других колоний рабами. Эмоциональный Лебедев не раз проявлял по этому поводу свое негодование.

Кроме того, Лебедев вступил в конфликт с прославленным Азиатским обществом. От своих бенгальских наставников он усвоил принятое в Бенгалии произношение санскрита, и с этой позиции готов был подвергнуть критике школу уже покойного к этому времени основателя Азиатского общества и «отца» индоевропейского сравнительного языкознания Уильяма Джонса. Последний от своих наставников-северян перенял произношение санскритских слов, характерное для севера Индии (оно и стало впоследствии нормой для европейских индологов). Хотя письмо Лебедева президенту Азиатского общества генерал-губернатору Джону Шору с предложением обсудить данный вопрос по совету друзей отправлено не было, вряд ли можно сомневаться в том, что точка зрения Лебедева стала хорошо известной в Калькутте. Впоследствии в книге, которую Лебедев опубликовал в Лондоне, он выступил с резкой критикой (в основном безосновательной) Джонса и его школы (Lebedeff, 1801, с. XVI–XX). В британской Калькутте того времени Азиатское общество было предметом всеобщей гордости, а Джонса почитали как местную знаменитость; всякая их критика

должна была восприниматься как святотатство. Вероятно, именно поэтому Лебедев, выступив против покойного Джонса, немедленно потерял поддержку своих высокопоставленных покровителей, большинство из которых были видными членами Азиатского общества.

Сближение Лебедева с индийской интеллигенцией Калькутты, его выступление на стороне бенгальцев в «филологическом» споре с англичанами — все это в глазах британской административной элиты выглядело необъяснимым, возмутительным и вызывало, по-видимому, смутные подозрения в подрывной деятельности и шпионаже. В своей книге (Māmūd 2010) и в устном выступлении на Международном семинаре «Герасим Лебедев и его наследие», состоявшемся в феврале 2011 г. в Калькуттском университете, известный исследователь деятельности Лебедева профессор Хайят Мамуд высказал предположение, что преследование русского музыканта и ученого было организовано колониальными властями Калькутты. Нестандартное поведение Лебедева заставляло их подозревать в нем «русского шпиона», но никаких конкретных доказательств у них, разумеется, не было, в противном случае он был бы просто повешен, как было принято в ту эпоху поступать с вражескими лазутчиками. Поэтому была применена другая тактика: власти постарались сделать дальнейшее пребывание Лебедева в Калькутте невыносимым.

Письма Лебедева Крузенштерну содержат ряд данных, подтверждающих это предположение Хайята Мамуда.

Написанию первого по времени из публикуемых писем непосредственно предшествовали, как мы знаем из других бумаг Лебедева, следующие события. В ноябре 1797 г. Г.С. Лебедев, разоренный, продавший за бесценок свой театр, отчаявшийся и изнуренный болезнями, решил покинуть Калькутту. Он обратился к Уильяму Томсону, капитану корабля Ост-Индской компании «Лорд Тёрлоу», готовившегося к отплытию в Англию. Капитан Томсон заявил, что согласится взять его на борт лишь в том случае, если получит соответствующий приказ от генерал-губернатора (РИО, 1965, с. 466). 23 ноября Лебедев подал ходатайство генерал-губернатору Джону Шору и Высшему совету Ост-Индской компании с просьбой «повелеть принять меня в качестве частного пассажира на борт корабля досточтимой Ост-Индской компании “Lord Thurlow”» (РИО, 1965, с. 464). Уже на следующий день, 24 ноября, Лебедев вручил капитану Томсону, по его словам, «приказ», в действительности — скорее записку со словами: «Вам разрешено принять на борт Вашего корабля, разместить и доставить в Европу г-на Герасима Лебедева с вещами первой необходимости. Оплата <проезда> за его счет» (Māmūd, 2010, с. 127). Капитан тут же передал бумагу судовому комиссару, или казначею (purser), Джону Бэлли (Bally), который сначала запросил 120 рупий, по его словам — в уплату за проезд, но затем, увидев у Лебедева тюк с индийскими тканями, потребовал уже 300 рупий³, которые Лебедев обещал заплатить в Лондоне. 25 ноября Лебедев, очевидно по требованию Бэлли, принес ему распоряжение торговой палаты о приемке на борт принадлежащего ему тюка с тканями, общая стоимость которых оценивалась как составляющая около 272 рупий. Тогда же Бэлли спросил Лебедева, собирается ли он столоваться с капитаном. Как писал позднее Лебедев в жалобе, поданной генерал-губернатору Капской колонии лорду Мак-

³ Эта сумма была, вероятно, во много раз меньше обычной платы за проезд. Несколько ранее, в 1780-х годах, стоимость обратного путешествия из Индии в Англию составляла для одного пассажира 8000 рупий, или 1000 фунтов, а для семейной пары 1500 фунтов (Blechynden, 1905, p. 106; Māmūd, 2010, p. 181). Сам Лебедев был убежден, что по приказу генерал-губернатора его должны были везти бесплатно (РИО, 1965, с. 477), но цитированная записка, адресованная Томсону, не оставляет сомнений в том, что Лебедев ошибался. По-видимому, в подобных случаях с пассажира брали столько, сколько он может заплатить.

картни, «услышав, что я собираюсь столоваться с третьим помощником, он сказал мне, что капитан не желает иметь меня на борту и что лучше бы мне приискать другое судно, поскольку он уверен, что проезд на Lord Thurlow будет для меня неприятен». Лебедев обратился к капитану Томсону, который заявил, «что не может отказаться взять меня на борт, но что он прикажет хорошо обращаться со мной за столом его слуг» (РИО, 1965, с. 467). Оскорбленный Лебедев настоял на том, чтобы столоваться с боцманами, и впоследствии писал Крузенштерну, что это оказалось удачным решением (см. письмо № 3).

29 ноября 1797 г., по-видимому в день отплытия «Лорда Тёрлоу» из Калькутты, Лебедев посылает прощальное письмо (№ 1) И.Ф. Крузенштерну, с которым он познакомился за некоторое время до этого в Калькутте. Об их знакомстве ранее было известно из письма Лебедева С.И. Плещееву от 8 марта 1798 г.: «Я имел честь в Калькоте познакомиться с морским российским афицером господином Крузенштерн» (РИО, 1965, с. 474), а также из дневника и писем Ю.Ф. Лисянского (Козлов, 2007, с. 132, 270–271). В свою очередь, Крузенштерн позднее рассказал о знакомстве с Лебедевым своему другу, петербургскому академику Ф. Аделунгу. Со слов Крузенштерна, некоторые сведения о жизни и деятельности Лебедева были опубликованы в книгах Ф. Аделунга и его старшего родственника — известного немецкого лингвиста, И.-Х. Аделунга (Adelung, 1806, S. 184–186; Adelung, 1815, S. 205–206). Но только теперь на основании публикуемых писем мы можем составить представление о характере отношений между двумя встретившимися на чужбине россиянами.

Эти отношения Лебедев с полным основанием определяет как «дружество». Об этом свидетельствует не только то, что Лебедев, несмотря на разницу в социальном положении, иногда обращается к Крузенштерну на «ты» (это можно было бы также объяснить и разницей в возрасте — Лебедев на 20 с лишним лет старше, и, гипотетически, «братством» по масонской ложе), но и то, что Крузенштерн, судя по письмам, принял в судьбе Лебедева активное участие. Не случайно Лебедев начинает свое первое письмо к нему, написанное перед отплытием «Лорда Тёрлоу», с благодарности за «доброе расположение и ходатайство». Отсюда можно заключить, что британские власти и выпустили-то Лебедева из Калькутты, предоставив ему почти бесплатный проезд на судне Ост-Индской компании, именно потому, что за него ходатайствовал русский офицер, служивший волонтером на английском флоте. Влиятельность же молодого русского офицера объясняется, вероятно, тем, что он получил прямой доступ к высоким чинам местной администрации через масонскую общину: по данным современных исследований, всякий иноземный путешественник, прибыв в Калькутту или другой крупный колониальный центр в Азии, прежде всего направлялся в масонскую ложу, так как это был лучший способ завоевать расположение местной элиты (Karpiel, 2001). В 1819–1820 гг. Крузенштерн участвовал в работах ревельской ложи «Zu den drei Streithammern» (его подпись стоит под протоколами заседаний. См.: СПб Архив РАН. Ф. 87, оп. 4, ед. хр. 9, л. 82об., 111, 112, 180, 186, 198, 200) и был дружен с возглавлявшим ее бургомистром К.И. Залеманном; велика вероятность того, что и в молодости он не был чужд масонству. Среди русских моряков тогда было много масонов (Соколовская, 1907); связи по этой линии были особенно полезны русским морякам, стажировавшимся на британских судах. Друг Крузенштерна Ю.Ф. Лисянский оставил в своем «Журнале» запись о посещении им в 1793 г. в Лондоне «концерта масонского братства» (Козлов, 2007, с. 60). Любимый командир и учитель молодого Крузенштерна, героически павший на глазах ученика в битве при Эланде и завещавший ему проект кругосветного плавания, — Г.И. Муловский (см. о нем: Давид-

сон, Макрушин, 1979, с. 231–246) был членом «ложи Нептуна» в Кронштадте (Соколовская, 1907, с. 232, 241, 249, 252) и, вероятно, ряда иностранных лож.

О дружеских отношениях между корреспондентами говорят и последующие письма: Лебедев обращается к Крузенштерну с просьбами, которые Крузенштерн, хотя бы отчасти, выполняет (например, находит пропавшую скрипку и, по-видимому, присылает какие-то купленные для друга вещи). Лебедев благодарит его за «дружеский ответ» и «все приятельское попечение» (письмо № 3). В письме № 2, жалуясь на пропажу или покражу купленной в подарок А.А. Самборскому трости, Лебедев пишет: «И вы видели сами <:> она мною была отдана серкару». Следовательно, Крузенштерн приходил провожать Лебедева или, по крайней мере, присутствовал при отправке со слугами лебедевского багажа в гавань.

Уже в первом письме, написанном еще до отплытия на «Лорде Тёрлоу», когда Лебедев имел лишь опыт короткого общения с капитаном и казначеем (комиссаром) корабля, звучит очень тревожная нота. Лебедев просит Крузенштерна позаботиться о его рукописях в *случае его смерти* на борту этого судна! При этом он явно не имел в виду возможную смерть от болезни, поскольку в письме № 3 та же просьба повторяется сразу вслед за жалобами на открыто враждебное к нему отношение со стороны капитана и старших офицеров. В дальнейшем дело дошло до избиений и издевательств. Но там, как мы увидим, у англичан был повод для определенных подозрений. Откуда же такая враждебность еще до начала плавания? Сам Лебедев полагал, что капитан и офицеры его «уживали» только за то, что принуждены были взять на борт против их воли (РИО, 1965, с. 473). Однако причины были, по-видимому, гораздо серьезнее. В свете сказанного выше о подозрениях британских властей Калькутты в отношении Лебедева представляется вероятным, что распоряжение генерал-губернатора о доставке его на «Лорде Тёрлоу» в Европу сопровождалось устным предупреждением о том, что пассажир — подозрительная личность, за которой следует присматривать.

Второе письмо отправлено Лебедевым уже с борта «Лорда Тёрлоу», 30 ноября 1797 г., из Даймонд Харбор, главной стоянки судов Ост-Индской компании (в 41 миле по реке Хугли ниже Калькутты). Здесь помимо жалоб на пропажу вещей и просьб прислать самое необходимое заслуживают особого внимания слова Лебедева: «Оскорбление мое и потери неоднократно заставляли уже забывать заливы моря и положение приятных мест и сделать лутшее известие. Желаю<:> чтоб имели мы спокойный проезд». Это означает, что Крузенштерн, который в это время уже задумал проект установления пути морской торговли напрямую между Россией и Индией, и Лебедев, который незадолго до того, в июле 1797 г., обращался к послу России в Англии графу С.Р. Воронцову, предлагая конкретные шаги в том же направлении (РИО, 1965, с. 461), скорее всего, много беседовали на эту тему, и Крузенштерн, очевидно, просил Лебедева вести своего рода «журнал» или просто делать отдельные наблюдения, отмечая удобные для стоянок бухты и т.п. Лебедев эту просьбу по мере возможности исполнял, что и привело его вскоре на край гибели.

1 декабря, согласно Лебедеву (РИО, 1965, с. 466–467), корабль уже стоял на рейде, который он называет Сагурским путем (Sagur Road), — популярной корабельной стоянке, чаще называемой Sagur Roads или Saugor Roads, изначально, по-видимому, Sagar Roads, т.е. «Сагарские рейды»⁴. Название связано с тем, что отсюда открывается вид на соседний остров Сагар, священный для индуистов, поскольку на нем расположен один из главных объектов паломничества — Ганга-Сагар-сангам — «Место

⁴ Слово roads здесь имеет специальное морское значение — «рейды»; ср. «рейд Саугер» в журнале 1798 г. И.Ф. Крузенштерна (Козлов, 2007, с. 251, 252).

слияния Ганги с Океаном». В наши дни идущие в Колкату суда на Saugor Roads принимают на борт лоцмана, чтобы он провел их вверх по Хугли, а экипажи и пассажиры выходящих в открытое море судов в последний раз видят отсюда индийскую землю. Драматическое описание такого прощания содержится в романе современного писателя Амитава Гхоша «Море маков» (Ghosh, 2008, с. 386 и след.).

Уже в первый день стоянки здесь казначей Бэлли забрал у Лебедева его тюк с индийскими тканями как залог того, что деньги за проезд будут уплачены в Лондоне. Впоследствии выяснилось, что это было лишь очередным издевательством: тюк с тканями был умышленно оставлен на палубе, и в Кейптауне Лебедев увидел, что ткани безнадежно испорчены морской водой.

Здесь Лебедеву передали письмо и, по-видимому, какие-то необходимые вещи, присланные Крузенштерном. Стоянка была долгой, и Лебедев имел время для «морских» наблюдений. В день, когда снимались с якоря для продолжения пути, 10 декабря, он отправил Крузенштерну третье письмо, в котором рассказывал ему, в частности, о том, как «одинадцать трехмачтовых кораблей <,> кроме меньших <,> ... лавировали моря в проходе <,> называемом Сагурской путь». Пишет он и о том, что вполне доволен своим «нахлебством», т.е. сидением за одним столом с нижними чинами, среди которых его особое доверие вызывают боцман (boatswain) и корабельный плотник. Но по-прежнему крайнюю враждебность проявляют к нему капитан, первый и второй помощники, казначей. Снова посещает Лебедева предчувствие, что он не сойдет с корабля живым, и он перечисляет Крузенштерну рукописи своих работ, о которых в таком случае нужно позаботиться. Надежду ему подает лишь то обстоятельство, что на судне есть высокопоставленные пассажиры: три британских генерала и полковник. Лебедев выражает в письме надежду, что их присутствие «в случае крайней нужды извлечет из грубоделателей благоснисхождение». И действительно, в момент крайней нужды Лебедев, как мы увидим, воспользовался присутствием этих начальственных персон для того, чтобы спастись с корабля.

В последующие дни Лебедеву могло показаться, что ситуация несколько улучшилась: как он сообщал впоследствии, «11-го, 17-го и 19-го <декабря> я был приглашаемым 2-м, 3-м, 4-м и 5-м офицерами провести вечер, наслаждаясь музыкой» (РИО, 1965, с. 467). Появился шанс, что к нему станут относиться как к профессионалу, с должным уважением. Но на второй день после третьего музыкального вечера произошла подлинная катастрофа.

Лебедев, по-видимому, продолжал вести некоторые наблюдения для Крузенштерна. Именно в этом контексте надо понимать вопрос, с которым он 21 декабря между 7 и 8 часами вечера обратился на палубе к корабельному казначею Бэлли: «На какой широте мы находимся?» Последующее сам Лебедев описывал так: «Услышав это, первый помощник [капитана] спросил с презрением, что побуждает меня задавать им столь глупый вопрос, и обругал меня. Так как я говорил не с ним, то не стал отвечать и снова спросил казначея: я надеюсь, что не обидел его своим вопросом? Он ответил: нет. И еще [я сказал]: удивляюсь, что первый помощник с самого моего прибытия обращается со мной столь грубо и дерзко. В тот же миг мистер Уилсон ударом сбил меня с ног, а окружающие не дали мне должным образом защищаться. Он потащил меня через ют и едва не убил; и вместо того, чтобы сжалиться, страшное чудовище угрожало заковать меня в кандалы и заткнуть мне рот куском дерева, как он говорил — за бунт. Хотя капитан У. Томсон и не позволил ему этого сделать, моя жалоба все же пришлась ему не по вкусу, и он сказал только, что я заслуживаю быть повешенным, а также запретил мне впредь, не объясняя — за что, появляться на юте. Как ужасно стали со мной обращаться после этого, я не в силах описать». Вечером

27 декабря, когда Лебедеву пришлось все-таки по какой-то надобности проходить через ют, первый помощник Уилсон, незаметно подкравшись сзади, нанес ему несколько сильнейших ударов в спину, по-видимому, сломав ребра, так как Лебедев, по его словам, несколько дней после этого не мог ходить и даже в Южной Африке, в конце февраля, «не мог восстановить свое здоровье» (РИО, 1965, с. 468).

Обычно этот эпизод объясняли либо, как сам Лебедев, алчностью старших офицеров, недовольных появлением почти бесплатного пассажира (хотя зачем бы им в таком случае было портить взятые в залог ткани), либо, как Ю.Ф. Лисянский, зверскими нравами, царившими на английском флоте (Козлов, 2007, с. 270–271). Но в свете писем Лебедева Крузенштерну вся ситуация видится иначе. Очевидно, наблюдения, которые Лебедев вел во время плавания, и его вопрос о координатах судна были восприняты старшими офицерами как прямое подтверждение изначально имевшихся у них подозрений в том, что они, возможно, везут «шпиона». Отсюда и исключительная по отношению к пассажиру жестокость, и запрет выходить на палубу, и угрозы казнью через повешение.

Лебедеву пришлось терпеть такое обращение еще долго, до 11 февраля 1798 г., когда офицеры «Лорда Тёрлоу», накануне прибывшего в Кейптаун, приготовились сойти на берег. Понимая, что если он не сойдет здесь с корабля, ему не пережить дальнейшего плавания, Лебедев с огромным трудом, несмотря на то что первый помощник прогонял его с палубы, все же прорвался к капитану. На просьбу Лебедева разрешить ему покинуть судно, капитан сказал ему: «Можешь уходить, забирай свои вещи и не возвращайся на корабль; ты заслуживаешь, чтобы тебя повесили». При этом он отказался предоставить ему корабельную шлюпку для перевозки на берег имущества, злорадно заметив при этом, что вызвать портовую шлюпку с берега Лебедеву наверняка не удастся. И тогда Лебедев решился прибегнуть к уловке, о которой он писал Крузенштерну в третьем письме. При этом ему пришлось, правда, подвергнуть себя унижению, что он потом тяжело переживал⁵. В момент, когда высокопоставленные пассажиры — три генерала и полковник вместе с капитаном и офицерами корабля готовы были сойти в шлюпку, он бросился перед капитаном Томсоном на колени и во всеуслышание попросил объяснить ему, за что он подвергается столь бесчеловечному обращению; если капитан может назвать какой-либо реальный дурной поступок с его стороны, он, Лебедев, готов принести извинения и принять любую заслуженную кару.

Вот тут и выяснилось, что, какие бы подозрения ни питали офицеры корабля в отношении Лебедева, реальных оснований для них нет. Поколебавшись, капитан все же разрешил Лебедеву сойти на берег, не преминув при этом добавить: «Ты заслуживаешь быть повешенным».

В Южной Африке Лебедев пробыл до ноября 1798 г., сначала почти совсем без денег, однако позднее, дав несколько концертов, он смог собрать средства для отъезда в Англию. Справедливого суда над своими обидчиками ни в Кейптауне, ни, позднее, в Лондоне, несмотря на все усилия, он добиться не смог. Лебедев прибыл в Лондон 5 февраля 1799 г. и сразу же стал искать возможности вернуться на родину, где он надеялся опубликовать свои работы и получить некоторое вознаграждение за перенесенные лишения. Из письма Крузенштерну от 8 сентября 1799 г. (№ 4) видно, что к этому времени он направил уже два письма императору Павлу I. На первое из

⁵ В своем обращении к лорду Маккартни Лебедев писал, что в этот момент он попытался «смягчить их ярость [своей] низостью» (to tender their fierceness by meanness). В рукописи «Африканского дневника» напротив этих слов на чистом листе — единственная фраза по-русски: «И чтоб уменьшить ярости гонящих меня / решил я сказать им подлецом» (Архив ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 4025, л. 10).

них, посланное через посла России в Лондоне графа С.Р. Воронцова, он получил как будто положительный ответ: царь разрешал ему в любое удобное время вернуться в Россию и обещал издать его сочинения «на казенной кошт» (РИО, 1965, с. 493). Но второе письмо Лебедева С.Р. Воронцов по каким-то причинам отказался переслать императору, и Лебедев отправил его, видимо, по другим каналам. К сентябрю 1799 г., как видно из письма Крузенштерну, ответа еще не было. Лебедев, однако, очень ждал ответа на второе письмо и потому стремился ускорить принятие царем решения по какому-то, очевидно, поставленному в этом письме вопросу⁶. Через некоего покровителя («сильного к отечеству друга») он пытался заручиться поддержкой имевшего влияние на Павла I вице-президента Адмиралтейств-коллегии, адмирала и новоиспеченного графа Г.Г. Кушелёва; предполагалось, что положительные рекомендации Лебедеву дадут, по запросу адмирала, И.Ф. Крузенштерн и М.И. Баскаков. Кроме того, Лебедев просил, как можно понять, Крузенштерна передать от него письмо еще одному фавориту Павла I — Ф.В. Ростопчину, а также выяснить, что думают о Лебедеве возвышенный Павлом I до графского достоинства его бывший брадобрей И.П. Кутайсов и давний знакомый Лебедева, близкий к царской семье А.А. Самборский.

Письмо № 4 характеризует Лебедева как человека, весьма умелого и опытного в искании поддержки у сильных мира сего. Он пытается разом склонить на свою сторону трех наиболее близких к Павлу I лиц, его фаворитов, вознесенных им из ничтожества к вершинам власти, а заодно выяснить, симпатизирует ли ему по-прежнему А.А. Самборский — тогда законоучитель царских дочерей и настоятель Софийского собора в Царском селе. Но было бы ошибочным заключить на основании подобных писем, что расчетливость и целеустремленность в поисках покровительства были индивидуальными, отличительными чертами Лебедева. Таков был в целом *modus vivendi*, обязательный для людей искусства и науки в те времена.

Хлопоты Лебедева в данном случае окончились неудачей. По своей привычке бороться со всякой несправедливостью он написал Павлу I о том, что при награждении английских моряков, участвовавших в спасении экипажа затонувшего у берегов Англии русского судна, произошла ошибка: оказался незаслуженно обойденным деятельно участвовавший в спасательной операции доктор Джон Уайт. У Павла I, уже склонявшегося в это время к разрыву союза с Англией, вмешательство Лебедева вызвало раздражение. Генерал-адъютант Павла I Ф.В. Ростопчин 22 марта 1800 г. писал русскому поверенному при английском дворе В.Г. Лизакевичу: «Скажите господину Лебедеву, что он писал нелепое письмо о сумасшедшем враче, на коего он сам походит, и что если он думал сим служить Государю, то он весьма ошибся» (Овчинников, 1960, с. 76). Лебедеву, надо полагать, после этого стало ясно, что при жизни Павла I ему нельзя возвращаться в Россию. В 1801 г. он издал свою «Грамматику» в Англии.

Из всех публикуемых писем Лебедева Крузенштерну лишь последнее (№ 5) не содержит жалоб на преследования или просьб о помощи. Оно написано счастливым человеком, который делится с другом радостью по поводу того, что он достиг своих целей: всего несколько месяцев назад Лебедев был благодетельствован новым императором — определен коллежским ассесором в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел с огромным окладом (1800 рублей в год) и получил средства на устройство собственной типографии. Письмо передано с оказией из Петербурга в Ревель (современный Таллинн), где находился в то время Крузенштерн.

⁶ Речь шла, скорее всего, о переезде Лебедева в Россию и об отпуске конкретных сумм на издание его сочинений на родине. Он дает в письме понять, что отвергает предложения английских издателей, так как хочет, чтобы его книги были раньше напечатаны в России.

Письма И.Ф. Крузенштерну существенно дополняют наши знания о периоде жизни Лебедева между тем моментом, когда он оставил Калькутту, и благополучным возвращением на родину. Вносят они, возможно, и некоторые штрихи в портрет молодого И.Ф. Крузенштерна, косвенным образом представляя нам его как человека, лишённого сословных предрассудков, до самоотверженности верного дружбе, и настоящего патриота в лучшем смысле этого слова, т.е. человека, все помыслы которого, без корысти и понуждения, всегда обращены к единственной цели — благу своей страны.

Письма Г.С. Лебедева И.Ф. Крузенштерну

Российский государственный архив Военно-морского флота
Фонд 14, оп. 1, дело № 221. Л. 93–102

Текст писем при подготовке к печати слегка «модернизирован». Отброшены некоторые старые орфографические нормы: в частности, убраны «яти», твердые знаки после согласных на конце слов и «десятеричное и» (і), изменены окончания склонения прилагательных единственного числа в родительном падеже («степного», а не «степнаго», «какого», а не «какаго»). Индивидуальные особенности орфографии Лебедева сохранены, за исключением того, что в текст введено й («и с краткой»), которым Лебедев не пользовался, употребляя для передачи соответствующего звука как *i*, так и простое *и*, хотя его более образованные соотечественники давно уже пользовались написанием *й* (узаконено в 1735 г.). Запятые у Лебедева встречаются редко и иногда употреблены не к месту; мы ввели запятые и другие знаки препинания в угловых скобках там, где это помогает понять логику текста.

Я признателен Г.А. Левинтону за полезные советы, касающиеся способов передачи текстов такого рода. Ответственность за возможные упущения в окончательном варианте лежит, однако, полностью на мне.

№ 1

(Л. 93) Милостивый мой Государь

Иван Федорович<.>

В час разлуки нашей прими мою благодарность за твое для меня доброе расположение и ходатайство. Я желаю таперь только того<.> чтоб Бог позволил нас увидеться в нашем отечестве<.> гдебы я<.> несомневайся<.> старался утвердить наше дружество. И более для того<.> что я бы мог воспользоваться вашими умными советами. Прошу вспомнить о мне и объявити о моих книгах во отечестве нашем^а и в случае смерти моей на корабле<.> называемом Лорд Торло<.> требовать от капитана Вилиам Томсон и сообщить в Питербурскую академию. Она есть следующая<.>

1^а Гистория Шри Бгарот Чондро Рай⁷ — которую раз

продать⁸

(л. 93об.) раз продать для моей всей фамилии<и.>

2^а Словарь⁹. В академию.

⁷ Имеется в виду переведенная на русский язык Лебедевым «квазиисторическая» часть поэмы Бхарот Чондро Рая «Бидде Шундор» («Красота познания»), воспевающая деяния раджи Ман Сингха (начало XVII в.).

⁸ «Разъ продать» написано сначала в конце первой страницы письма, и с этого же начинается текст на обороте. Лебедев следует здесь тогдашним правилам книжного письма: в конце страницы обычно указывалось первое слово (или слова) следующей.

⁹ Над словарем бенгальского и «простонародного индейского» (хиндустани) языков, «с предложением на российской и англинской», Лебедев работал с 1796 или 1797 г. до конца жизни. В рукописном наследии Г.С. Лебедева материалов, определенно относящихся к этому словарю, пока не обнаружено.

3^я разное шамскритское и бенгальское собрание в коем вся арехметика¹⁰<.>

Но я к вам обстоятельнея напишу.

При окончани<и> сего с моим истинным почитанием есмь

Ваш покорны<й> слуга
Герасим Лебедеф

Калкота

29 ноября

1797 года

НВ. отпишите*.

(Л. 94) Милостивому государю /Ивану Федоровичу/ Крузенштерну

^a *Во отечестве нашем* — вписано над строкой.

^b *отпишите* — у Лебедева, считавшего приставки отдельными словами, хотя и писавшего их обычно слитно с основой: *отпишите*. Поскольку ω (омега) у него встречается главным образом перед *т*, он, видимо, имеет в виду церковно-славянскую лигатуру, именуемую и произносимую как «от» (когда *т* пишется над омегой). Возможно также, что строчная омега (или то, что он понимал как «от») играет в таких случаях у него роль прописного *О*.

№ 2

(Л. 95) Диамонд гарбур. Но по бенгальски келя кач¹¹.

Милостивый Государь мой

Иван Федорович<.>

Между бумагами нашедши: для публикации в Калкоте^a приготовленную благодарность, я посылаю к вам и прошу переслать к г<оспо>дам Фери, и Томсон¹², которые обещались в их газетах поместить и <.>думаю<.> то же сделает и Г<оспо>д<и>н Маклин¹³ в Телеграфе.

Сожалю сказать<.> серкар¹⁴ и слуги растеряли или может хотели так украсть многое: ту самую трость<.> которую хотел подарить я г. Самборскому<.> не нахожу. И вы видели сами<.> она мною была отдана серкару. Вещей нужных в проезде<.> которые я сам положил<.> уже^b не вижу, скрипку мою приятного тону<.> думаю<.> также боле не услышу. Которую<.> естли еще не возвратили<.> может попробовать принудить возвратить моих слуг и особливо моего власочесателя чрез вашего слугу<.> ибо он жил с ним в одном месте.

Если узнаете<.> что фрегат ваш идет с нашими кораблями<.> пожалуй<.> купи ежели не четыре дести¹⁵<.> то хоша две<.> но необходимо. Без чиего<.> мно<.> оставлен в проезде моем мертвым<.> на половину рупи<и> песку, для засыпки. И также ради черни<л> две бумажки порошков. Две пары кожаных перчаток и два теплых колпаков<.> что в базаре найдется.

За все¹⁶

¹⁰ Вероятно, материалы, использованные Лебедевым в его двухчастном сочинении — так называемых «математических рукописях» (Васильков, 2006; Крючкова, 2011).

¹¹ *Diamond Harbour* — гавань на р. Хугли (правый рукав Ганга), ниже (в 30 милях по суше и в 41 миле по реке) Калькутты. Главная стоянка судов Ост-Индской компании (Yule and Burnell 1996, p. 317). *Келя кач* — скорее всего, какая-то описательная характеристика данного места, принятая Лебедевым за топоним. *Кач*, во всяком случае, имеет значение «около, поблизости (от чего-то)».

¹² *Фери, Томсон* — очевидно, калькуттские издатели.

¹³ *Маклин* — по-видимому, Charles Macklin, калькуттский издатель, год спустя (в 1798 г.) учредивший газету Bengal Naraka («Бенгальский Вестник»). В 1780-х годах некто Маклин был одним из ведущих в городе торговцев оттисками гравюр (см.: Eaton 2003, p. 54).

¹⁴ *Серкар* (хинди *sarkar*) — здесь: «главный (над слугами)», «домоуправитель».

¹⁵ *Десть* — мера или счет писчей бумаги, 24 листа.

¹⁶ См. выше, примеч. 8.

(Л. 95об.) За все помянутое что заплатите<,> при перьвой встрече вам заплачу. Я б послал к вам денги со слугою<,> но не могу<,> для того<,> что не знаю<,> будите ли вы в Калкоте¹⁷. ____¹Прошедшей ночи холод заставил меня о сем вас трудить, предсказав о имени(и) нужного в холоднейших градусах. И для чего в сем письме посылаю половину гульдмора¹⁸, и естли^д больше<,> персонально заплачу.

Я теперь только узнал штурмана (Мачжи — Мају) о имяни, который без приказу моего положил на ево лодку мои вещи: он называется Дон Мачжи (Don Maju)<,> и слуга ваш всегда може<t> доспросит<ь>ся в том месте где я с тобой расстался. ____ Оскорбление мое и потери, неоднократно заставляли уже забывать заливы моря и положение приятных мест, и сделать лутшее известие. Желая чтоб имели мы спокойний проезд.

Пребывай благополучно, и уведоь о себе твоего знакомца<,> который с почтением пребывает

Герасим Лебедеф

30го Ноября
1797

NB: Лицо, и руки несколько уже опухло.

(л. 96; внутренняя сторона конверта) Бумаги неизволь покупать<,> я имею довольно.

(л. 96 оборот; внешняя сторона конверта) [В центре:]

То /Leaumontant J. Croosenstern/ On Board Lauizo Frigate¹⁹ [Лейтенанту Крузенштерну на борту фрегата «Луазо»].

[На верхнем поле:] With half a G. Mohour [С половиной золотого мохура].

[На правом поле:] два небольших замка.

[На нижнем поле:] (не поддающаяся прочтению надпись, возможно — бенгальской скорописью).

^a в Калкоте вписано над строкой.

^b уже вписано над строкой.

^c десяти вписано над строкой.

² прочерк (—) перед началом новой фразы здесь и далее в тексте сделан рукой Лебедева.

^d и естли вписано над строкой.

№ 3

(Л. 97) Сагурьской путь (Sagur road)²⁰ 10го декабря 1797

Милостивый мой Государь

Иван Федорович<,>

Я удовольствие имел вчерась получить 2го числа писанной твой дружеский ответ на мои письма. И за все твое приятельское попечение искренне благодарю, также и за уведомление о поступке бесчестнаго крючкотворца<,> которого за плутовство лутчее время обличить. ____Десять дней от прибытия моего на корабль Лорд Торло: один-

¹⁷ И.Ф. Крузенштерн в эти дни готовился к скорому отплытию на фрегате «L'Oiseau» и большую часть времени, по-видимому, проводил на корабле.

¹⁸ Гульдмор — имеется в виду gold mohur — официальное название основной золотой монеты Британской Индии. Во второй половине XVIII в. выпускавшийся Ост-Индской компанией золотой мохур был эквивалентен приблизительно 16 серебряным рупиям (Yule and Burnell, 1996, p. 573–574).

¹⁹ Lauizo Frigate — Лебедев ошибочно передает французское название 30-пушечного британского фрегата L'Oiseau («Птица»), на котором в 1797 г. плавал Крузенштерн, а несколько ранее, в 1794–1796 гг., другой знакомый Лебедеву русский моряк и друг И.Ф. Крузенштерна — Ю.Ф. Лисянский.

²⁰ Сагурьской путь (Sagur road) — точнее, Sagar (Saugor) Roads «Сагарские рейды»: см. подробнее в тексте статьи.

натцать трехмачтных кораблей<,> кроме меньших<,> в (?) лавировали моря в проходе<,> называемом Сагурской путь. Вчерась показан был сигнал для приготовления, и сегодня поутру<,> подняв последней якорь<,> отправились в путь. ___ С приезде моего я в нахлебничестве с теми<,> которых мы единодушно при конце назначили<,> и естли они так<,> как таперь<,> до приезда в Англию хорошо будут обходит<ь>ся<,> по справедливости присоветую я тогда небогатому российскому вояжиру приятство их предпочеть искарлотской и скотской грубости любящих всего больше мзду. Во всю мою бытность на корабле капитан В. Томсон только два раза говорил словами необделанного жорнова<,> столько же, даже учтивее, и его порсер²¹.

Их (госпеталити)²²

(Л. 97об) Их угощение и приветствие истинно есть дичья степного калмыка. ___ Первой афицер, Вильсон, думаю<,> за неимением лутчих чувств<,> всегда отбегает. ___ Второй — сказано мне<,> житель города Петербурха<,> где и воспитан, но в рассуждени<и> дикости его не могу я догадат<ь>ся<,> какого зверя роже облек себя уподоблением<,> и с такою скотскою тенью пристойно^а человеческого удаляется обращения.

Из остальных людей^б довольно хорошо обходятся, и льщу себя с ними скоро быть знакомым.

Великое щастие для меня<,> что на корабле посажирами есть три генерала, Доф, Морген, Чжонс: и полковник Бели. Которых бытие<,> думаю<,> в случае нужды извлечет из грубоделателей благоснисхождение. ___ Жизнь всей разной твари по воле Всемогущего Творца хранится и продолжается: сего ради в случае моей смерти Тебя соотечественника моего прошу по дружескому обещанию твоему требовать корабля Лорда Торло от капитана Вилиам Томсон: написанныя мною переводы избранные: Гиндостанским смешанным; бенгальским, русским и аглинским

языками

(Л. 98) языками. Гисторию (поему) 1я книга^в на бракосочетание дочери Бордтманского Государя (Рачжа). 2я^г — словарь. 3я^д — собрание разное, в которой книге все арифметические деления находятся. 4е^е — перевод части^ж Календаря. И все другое мое имени<,> которое означено в моей записке<,> положенной в сундуке. И по получени(и) прошу тебя Гисторию (поему) напечатать, и по заплате за печать, денги за продажу сей Гистори<и>^з книг разделить моим сродственникам<,> как мною написано. Бенгальскую азбуку, словарь, и разное собрание, отдать в академию. И за мои труды постарайтесь, чтоб во оной воспитаны были дети родственников моих.

О моих сундуках<,> в которых находятся помянутые книги и другое<,> спросите от моих нахлебников<:> (бот-свейн²³) штурмана<,> имянуемого (J^on Robbins) Чжон Роббинс, живущего (№ 10 Royall Row Lambeth London)<,> и (карпендер²⁴) столаря<,> называемаго (James Laurie) Чжемс Лори, живущего № 9 Little Church Lane Lime House. London<:>

За нахлебство оне спросили от меня сто пятьдесят рупей, но<,> я думаю <,> согласятся взять только сто. ___ Я должен

сократить

(Л. 98об) сократить мое письмо по причине пайлотов абходу²⁵ и при окончани<и> молю Всемогущева Творца сохранить нас в странствовани<и>: и по благополучном

²¹ Порсер (purser) — судовой комиссар, ведавший финансово-хозяйственными делами, в главной функции — казначей.

²² Госпеталити — англ. hospitality «гостеприимство».

²³ Бот-свейн — англ. boatswain «шкипер», «боцман», «лоцман».

²⁴ Карпендер — англ. carpenter «плотник».

²⁵ Пайлотов абход — см. англ. pilot — «штурман; лоцман».

возвращени<и><> особливо во отечество наше<> утешить свиданием больше для того<> чтоб усердные наши услуги сделались известны государства нашего обществу.

С моим истинным почитанием добраделателю и другу моему пребуду всегда искренны<й>

Герасим Лебедеф

Пожалуй<> сбереги мою скрипку.

Говорят<> что мы заедем в Мадрас, и оттуда я к вам отпишу.

То М^т Н. Ма^к Kenly my respect.

Мы дожидались вашей фрегаты<> но ко оскорблению не увидели вас. Прощай, мой любезны<й> Друг<>

^a *пристойно* вписано над строкой

^b *людей* вписано над строкой

^c *1я книга* вписано над строкой

^d *2я* вписано над строкой

^e *3я* вписано над строкой

^f *4е* вписано над строкой

^ж *части* вписано над строкой

^з *сей Гистори<и>* вписано над строкой.

№ 4

(Л. 99). [Лебедев — Крузенштерну, 8 сентября 1799, из Лондона — в Петербург].

Милостивой Государь<>

О вашем приезде в Петербурх, известием меня весьма много обрадуете. __Как вы там приняты, и нравится ль вам таперь также<> как и прежде<> Российской климат. И притом естли можете уведомить меня сколько нибудь о внесени(и) дел моих в Россию по предложению на второе письмо К ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ<> вы тем много изволите меня одолжить.

Я не получил еще ответу на второе письмо<> и для сего писано «сильным к отечеству другом» о мне к Его сиятельству Графу Кушелеву²⁶<> в которо(м) письме ему донесено<> что вы и Г<оспо>дин Баскакоф²⁷ мне знакомы, и уповательно он о этом вас^a спросит. И как^b мне сказано<> что Его СИЯ:во^c есть точно доброжелатель своей нацы<и> трудолюбцам<>

ТО

[на нижнем поле под текстом:]

Капитану Российского флота /Ивану Федоровичу/ Крузенштерну

(Л. 99об.) то<> причинно надеюсь<> меня удостоит скорым ответом.

Компанейские директоры мне^e уже позволили публиковать мои книги. И только из России ответ таперь удерживает зделать здесь^d подписку. И которой иметь хочется для того чтоб знать<> растаяны ли в ней<> как и другие^e, ободрить за дело<> не бывающее еще никогда в России.

²⁶ *Графу Кушелеву* — Г.Г. Кушелёв (1754–1833) — русский морской офицер, которого великий князь Павел Петрович назначил командиром Гатчинской флотилии и позднее поддерживал его карьерное продвижение. После воцарения Павла I К. пережил стремительный взлет: генерал-адъютант, генерал-майор (1796), вице-адмирал, адмирал, вице-президент Адмиралтейств-коллегии (1798). 22 февраля 1799 г. возведен в графское достоинство. После гибели Павла I отстранен от дел.

²⁷ *Баскакоф* — М.И. Баскаков, русский морской офицер, проходивший стажировку на британском флоте одновременно с И.Ф. Крузенштерном и М.Ю. Лисянским. Г.С. Лебедев познакомился с ним, по-видимому, в 1798 г. в Южной Африке.

Разныя книгопродавцы жадаюць ад мяня купіць. Но для той жа прычыны і ім не хочаць яшчэ прадаць.

Пожалуй<,> не забудзь уведоміць, мелі лі вы случай вручыць персанальна мае пісьмо Графу Федору Васільевічу Растопчін²⁸, мелі лі Графа Івана Павлавіча Кутайцова²⁹, і Г: Самборскава³⁰ і какое с^ж іх мненне аб мне. Так жа і аб другом<,> для мяня прыналежащем.

Міхайле Іванавічу³¹ мае пошчэненне.

С істінным моім высокапошчэненнем імаю шчасце быць
Міластывага Государа
покорнейши(й) слуга

Герасім Лебедеф

Лондон
8 Сентября 1799
NB. Я живу в той же улице
34. Clipstone Street. Я болен глазами.

(Л. 100) To
John Crousenshtern
Captain in Russian Navy
if his residence is not known, deliver <sic> it
to Vice Admiral Baskacoff³²
at St Petersburg

[Перевод: Джону Крузенштерну /капитану российского флота./ Если местожительство его неизвестно, доставить это /вице-адмиралу Баскакову/ в Санкт-Петербурге].

^a *вас* вписано над строкой

^b *как* в рукописи: *какак*

^v *во* вписано над строкой

^г *мне* вписано над строкой

^з *здесь* вписано над строкой

^e *в ней, как и другие* вписано над строкой

^ж *суть* вписано над строкой.

²⁸ *Графу... Растопчину* — Ф.В. Растопчин (Ростопчин; 1763–1826), занимая при Екатерине II незначительные военные должности, стремительно возвысился при Павле I: в течение 1798–1800 гг. сделан кабинет-министром по иностранным делам, великим канцлером ордена св. Иоанна Иерусалимского, директором почтового департамента, первоприсутствующим в коллегии иностранных дел и членом совета Императора, его генерал-адъютантом. Возведен в графское достоинство в 1799 г. В конце царствования Павла отставлен от всех дел. Впоследствии известен как главнокомандующий войсками, дислоцированными в Москве во время наполеоновского нашествия.

²⁹ *Графа... Кутайцова* — Кутайсов Иван Павлович (1759–1834) — первоначально пленный турок, состоявший брандсбергером и камердинером при великом князе Павле Петровиче. После воцарения Павла I достиг в течение 3 лет звания обер-штальмейстера, в 1799 получил баронский и вслед за этим графский титул Российской империи. Через несколько дней после гибели Павла I уволен от службы.

³⁰ *Самборскава* — т.е. Андрея Афанасьевича Самборского (1732–1815), давнего знакомого и покровителя Лебедева (см. о нем в тексте статьи). В это время Самборский едва ли мог быть полезен Лебедеву: в ноябре 1799 г. он в качестве духовника великой княжны Александры Павловны, вышедшей замуж за австрийского эрцгерцога, уехал в Вену.

³¹ *Михайле Ивановичу* — имеется в виду М.И. Баскаков.

³² *Vice Admiral Baskacoff* — письмо адресовано в дом отца М.И. Баскакова — Ивана Абросимовича Баскакова (1749–1802), служившего по морскому ведомству и в 1792 г. произведенного в вице-адмиралы. При Павле I в 1799 г. произведен в адмиралы, а в ноябре 1800 г. уволен в отставку.

№ 5

(Л. 101).

Санктъ Петербургъ

12го июля 1802

Милостивы<й> мой Государь

Иван Федорович.

Я вспомнить не могу, сколько прошло времени<, > как я лишон удовольствия знать о вашем пребывании. Думаю<, > вы изволили слышать о моем отъезде из Лондона, но сколько я был занят хлопотами по приезде моем в Петербург, я воображаю<, > вы об этом не знали.

Вчера неожиданно я познакомился с вручителем сего письма<, > с Константином Ивановичем Рикардом³³, который меня весьма много обрадовал уведомлением о вашем благополучном пребывани<и>. Он завтра отправляется в Кронштат и от туда в Ревель, я непременно с ним к вам писать и как моего доброжелателя вас уведомить. По приезде моем в Петербург я был представлен ныне счастливо царствующему Государю Императору и Императрицам, и удостоился их всемилостивейшего благопрятия. По рас<с>мотрении поднесенных мною индейских собраниев, минувшаго Марта 4го числа³⁴ Государь соизволил пожаловать меня Коллежским Ассесором и определил при Государственной Коллегии иностранных дел в Азиатской департамент с хорошим жалованьем и приказал мне^a напечатать все мною вывезенные собрания на казенный щот

(Л. 101об.) в пользу мою, которых для публикацы<и>^b я таперь весьма много занимаюсь.

Мне сказали вы что женаты³⁵, на сей случай от глубины души моей и сердца имею честь поздравить вас с бракосочетанием, желаю вам союзного благоденствия<, > изобильного богатства и совершенного щастия; и покорно вас прошу засвидетельствовать мое искреннее почтение моей Милостивой Государыне вашей Супруге мадам Крузенштерн. Уведомить меня о Ея имени и познакомить с ней чрез переписку до личного знакомства.

Апропо! Я думаю<, > вы отложили ваше попечение о торговле; пожалуй, дай мне знать, взяли ли вы хоша одну Акцию отъ новоучрежденной Росо^b-Американской Компани<и> или не в мешались. Я б и о другом Вас спросил<, > но сию минуту должен окончать сие письмо и для сего оставляю до будущего случая, и особливо до получения вашего ответа.

С истинным моим почтением пребуду на всегда

Милостивого моего Государя

Покорный Слуга

Герасим Лебедев

^a мне вписано над строкой

^b публикацы<и> написано вместо зачеркнутого: *напеча*

^c Росо- вписано над строкой.

³³ Рикардом — Лебедев, по-видимому, плохо расслышал фамилию своего нового знакомого: при ударе-нии в ней на первый слог, второй гласный звучал неопределенно. Фамилия эта широко известна благодаря Петру Ивановичу Рикорду (1776 – 1855) — выдающемуся российскому мореплавателю, адмиралу, дипло-мату и ученому. В числе его братьев был и Константин Иванович (за эту информацию я глубоко признате-лен историку российского флота П.А. Головнину). Возможно, он тоже был моряком. С самим Петром Рикордом Лебедев познакомился еще в Лондоне, в 1800 или 1801 г. Есть данные о принадлежности П. Рикорда к масонству (Соколовская, 1907, с. 236).

³⁴ Марта 4го числа — Ошибка Лебедева. Указ о его зачислении в Азиатский департамент подписан Александром 4 февраля 1802 г.

³⁵ 14 сентября 1801 г. И.Ф. Крузенштерн женился на Юлии (Юлиане Шарлотте) фон Таубе, из ревель-ской дворянской семьи.

Список литературы

- Антонова К.А.* К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797) // Исторический архив. М., 1956. № 1 (январь–февраль). С. 156–195.
- Васильков Я.В.* Частичный пересказ «Бхагавадгиты» в «математической» рукописи Герасима Лебедева: предварительное сообщение // Индоевропейское языкознание и классическая филология–X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 19–21 июня 2006 г. СПб., 2006. С. 30–37.
- Васильков Я.В.* Новые данные о Герасиме Лебедеве в Калькутте конца XVIII века и о мировоззрении Уильяма Джонса // *Laugae Logae*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. редакторы Ст. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб., 2011. С. 164–187.
- Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Воробьев-Десятовский В.С.* Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 36–73.
- Гамаюнов Л.С.* Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г.С. Лебедева) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 74–117.
- Герасим Лебедев и его время. Доклады и сообщения. Международная научная конференция 15–16 декабря 2009 г. Ярославль, 2010.
- Давидсон А.Б., Макрушин В.А.* Зов дальних морей. М., 1979.
- Козлов С.А.* Путевые записки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793–1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб., 2007 (серия «Русский путешественник эпохи Просвещения», т. 3).
- Крючкова Е.Р.* «Арифметическая» рукопись Герасима Лебедева // *Laugae Logae*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. редакторы Ст. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб., 2011, с. 188–197.
- Лебедев Г.С.* Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. СПб., 1805.
- Овчинников Р.В.* Из истории русской индологии (новые данные о биографии Г.С. Лебедева) // Вестник истории мировой культуры. М., 1960. № 4. С. 74–83.
- Перцмакер В.В.* Русские моряки в Индии в 60-х годах XVIII в. (по архивным материалам) // Страны и народы Востока. Вып. V: Индия — страна и народ / Отв. ред. И.В. Сахаров. М., 1967. С. 220–228.
- Перцмакер В.В.* Ю.Ф. Лисянский в Индии (1799 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XII: Индия — страна и народ. Кн. 2 / Сост. и отв. ред. И.В. Сахаров. М., 1972. С. 248–259.
- Русско-индийские отношения в XVIII в. Сб. документов. М., 1965.
- Соколовская Т.О.* О масонстве в прежнем русском флоте // *Море*. СПб., год VI (1907), № 1 и 2. С. 216–253.
- Ямпольский М.И.* Первый русский музыкант в Индии (Из истории русско-индийских связей) // Музыка народов Азии и Африки. Второй выпуск. М., 1973. С. 239–259.
- Adelung J.H.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Erster Theil. В., 1806.
- Adelung F.* Catherinen der Grossen Verdienste um die Vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg, 1815.
- Blechynden K.* Calcutta Past and Present. Calcutta, 1905.
- Eaton N.* Excess in the City? The Consumption of Imported Prints in Colonial Calcutta, ca 1780–1795 // *Journal of Material Culture*. L., 2003. Vol. 8. № 1. P. 45–74.
- Dalrymple W.* White Mughals: Love and Betrayal in Eighteenth-century India. N. Y., 2002.
- Ghosh A.* Sea of Poppies. N. Y., 2008.
- Harland-Jacobs J.L.* Builders of Empire: Freemasons and British Imperialism. 1717–1927. Chapel Hill, 2007.
- Karpiel F.* Freemasonry, Colonialism and Indigeneous Elites. (Электронный ресурс: <http://historycooperative.org/proceedings/interactions/karpiel.html>), 2001.
- Lebedeff H.* A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with Dialogs Affixed, Spoken in All the Eastern Countries... L., 1801.

Māmūd H. Gerāsim Stepānavhich Liyebedeph. Dhākā, 2010.

Vassilkov Ya.V. From the History of Indian Studies in Russia: Gerasim Lebedev and the Freemasons // Bertil Tikkanen & Albion M. Butters (eds.). Pūrvāparaprajñābhīnandanam. East and West. Past and Present. Indological and Other Essays in Honour of Klaus Karttunen. Helsinki, 2011 (Studia Orientalia 110). P. 317–330.

Yule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. L., 1996.

Summary

Ya.V. Vassilkov

New Data on the First Russian Indologist: Letters of Gerasim Lebedev to Ivan Krusenstern

Five letters of Gerasim Lebedev (1749–1817), a musician, traveller and the first Russian student of Indian culture to Ivan Krusenstern (1770–1846), a Russian naval officer who later became the leader of the first Russian circumnavigation of the world (1803–1806) and an admiral of the Imperial Navy, are published for the first time. The letters contain significant new data pertaining to the unfortunate circumstances of Lebedev's departure from Calcutta in 1797, his hardships on board the *Lord Thurlow*, an East Indiaman, the problems he faced during his stay in London, and lastly, his return to Russia. The letters also indirectly add new traits to the figure of the young Krusenstern as a devoted friend, a man shorn of class prejudices, and a true patriot of Russia.